

Глава 2.2: Зонтик под дождем (Часть 3)

Если бы кто-то не был наделен такой чертой характера, мне было бы трудно найти его жестоким из-за игры. Хината - пример того, что, несмотря на то, что она была обучена сражаться и, возможно, убивать, она все равно остается самым милым человеком. Я сомневаюсь, что она когда-либо набросится на человека без веской причины. Так что нет, это моя позиция по поводу жестоких игр...

Конечно, жестокие истории были не единственным, чему я научилась у него, когда он был дома. Тесури был потрясающим поваром, лучше, чем Сомоку. Он мог снять кожу и разделать рыбу тесаком. Тесаком! Эта штука похожа на мясницкий нож, и он мог делать такую тонкую работу, что поварам для достижения таких же результатов требовался особый нож. Он также умел шить и вышивать, хотя меня не должно удивлять ни то, ни другое умение. Поскольку он был ирьёнином, ему нужно было знать, как обращаться с лезвием против плоти и как зашивать ее после того, как он закончил.

Скажу вам, что учиться у Тесури было в тысячу раз сложнее, чем у Сомоку. То, чему учила Сомоку, не требовало совершенства, только концентрации и решимости. Даже если я облажалась, это можно было исправить. То, чему учил Тесури, требовало терпения и твердой руки. Ошибка означала крах.

"Все не так уж плохо", - усмехнулся Тесури, когда я нахмурилась на свои неровные ломтики дайкона.

"Да я тебя насквозь вижу", - надула я щеки.

"В конце концов, у тебя получится", - он погладил меня по макушке, прежде чем поднять меня с высокого табурета, на котором я стояла. "Почему бы тебе не поработать над своей вышивкой?"

"Это некрасиво", - сказала я безразличным тоном.

"Как насчет того, чтобы попросить маму помочь тебе?" - сказал он, ставя меня на землю с ухмылкой.

Я выпустила воздух, которым надувала щеки. "Ладно..." Я сдалась и выбежала из кухни в гостиную.

Сомоку держала свой каллиграфический набор, но не писала. Рядом с ней лежала аккуратная стопка свитков, маркированных и разделенных по цветам.

"Что ты делаешь?" - спросила я, отодвигая стул и забираясь на сиденье. Я ненавижу быть такой маленькой; это все усложняет.

Сомоку улыбнулась мне, развернув свиток, чтобы я могла посмотреть. Сначала я подумала, что это какой-то рисунок, но при ближайшем рассмотрении оказалось, что по краям бумаги почти по кругу расположены символы. Сомоку умеет делать печати?

"Что это?" - спросила я. Я знаю, что это печать, но она этого не знает. И даже если бы я знала, что это печать, я понятия не имела, какая именно. Они все выглядели для меня как извивающиеся линии.

"Это печать, облегчающая исцеление", - ответила Сомоку. "Это для больницы".

"Она делает то же, что и Тесури?" - с любопытством спросила я.

Она покачала головой. "То, что делает твой отец, очень сложно, и большинство людей не могут им пользоваться".

Я наклонил голову. "А это не делает этого?"

"Это позволяет увидеть, где кому-то больно", - ответила она.

"Как?" Я нахмурилась в замешательстве.

Сомоку усмехнулась, слегка постучав пальцем над моим правым глазом. Я моргнула, почувствовав, как чакра устремилась к этому глазу. Через мгновение после искажения, я увидела слабое зеленое свечение над её телом.

"Ты выглядишь зеленой", - указала я на нее, но тут заметила, что мои пальцы светятся желтым. Я сделала паузу и с интересом посмотрела на свою руку.

"Что ты видишь?"

"Здесь есть желтые точки, но все остальное зеленое", - я потерла их вместе, задаваясь вопросом, не грязные ли они. Я подскочила, когда почувствовала легкую пульсацию от всех уколов, которые я делала во время вышивания. "О! Мне больно! Вот почему она другого цвета!".

"Очень хорошо!" - ободряюще похлопала она. "Хочешь научиться делать котиков?"

"Да!" - я быстро кивнула. Создание печатей было, вероятно, самой близкой вещью к современной технологии, и оно тратило меньше чакры по сравнению с дзюцу. Любой человек с мозгами научился бы этому, если бы ему дали шанс.

Вот только... у меня нет никакого таланта в создании печатей. Помнишь, что я говорила о моих навыках каллиграфии? Да, по-видимому, нужно быть очень и я имею в виду очень хорошим, чтобы писать аккуратно. Я не могу даже закрасить линии, чтобы спасти свою жизнь, не говоря уже о том, чтобы писать по прямой линии. Однако это не значит, что я не могу использовать печати, сделанные другими людьми. Большинство слабых печатей Сомоку я смогла активировать без особых проблем. В этом я убедилась на собственном опыте, когда чуть не взорвала гостиную взрывной меткой.

Хорошо, что Сомоку вовремя заметила и отменила его, иначе с этой жизнью пришлось бы распрощаться. После этого Сомоку под строгим надзором отправила меня на испытания печатей. Оказалось, что хотя я и не могу сделать печать, чтобы спасти свою жизнь, у меня есть врожденная способность активатора, если только печать была сделана хорошо. Конечно, это ничего не значит, если у меня нет потенциала чакры для их активации или печатей для использования. Так что если в будущем, я не найду себе в напарники мастера печатей, мой природный талант окажется бесполезным.

Однако за месяц до моего четвертого дня рождения гражданская война опустошила дряхлые останки Аме. Никогда прежде я не была так рада, что насилие и кровь ничуть не беспокоили меня, потому что именно в тот год мои мама и папа решили, что нам нужно покинуть Аме. Отдельные фракции разорвали деревню на части. Либо они заявляли о верности Ханзо, либо присоединялись к восстанию, нейтральные стороны не допускались. Тесури как ирьёнин был бесценен для умирающих шиноби, а Сомоку как единственный в деревне специалист по печатям

пользовалась большим спросом за свои печати для хранения и взрывных меток.

Было очевидно, что Ханзо значительно сильнее повстанцев, но в то же время его правление не отвечало интересам жителей Аме. Если они присоединялись к одной стороне, это означало смертный приговор от другой. Их навыки принесли бы большую пользу той стороне, к которой они присоединились, а тактически это было недопустимо. Бегство являлось единственным выходом.

Однако, поскольку они не были на стороне ни одной из фракций, они становились врагами обеих.

"Сомоку, бери Касу и беги!" - крикнул Тесури, когда они с ней пробирались через лес.

"Не будь глупцом! Ты ирѐнин! Они уничтожат тебя!" - возразила Сомоку.

Я молчала, пока они кричали друг на друга. Да и что я могла сказать? Нас преследовали, любой мой отвлекающий маневр означал бы наш конец. Достаточно было того, что меня несли, как бесполезный мешок с картошкой. Им не нужны другие отвлекающие факторы.

"Я не позволю тебе и Касе умереть здесь вот так!" - огрызнулся Тесури, толкая меня в свои объятия. "Ты забираешь Касу, и это окончательно!"

Ее глаза стали напряженными, когда она остановилась на ветке.

"Что ты делаешь?" - закричал Тесури, зацепившись за соседнюю ветку.

"У меня больше шансов выжить, чем у тебя. А если Каса поранится, то ты лучший лекарь", - спокойно рассуждала она, усаживая меня на ветку.

"Сомоку, пожалуйста!" - взмолился Тесури, но его мольбы не были услышаны, так как подошли еще аме-нины.

"Каса", - прошептала она, прижавшись губами к моему лбу и крепко обняв меня.

"Мама?" - прошептала я, комок застрял в горле, и мне было трудно сказать что-то еще.

"Будь хорошей девочкой и заботься о своем отце и о себе, хорошо?" - прошептала она. "Меня больше не будет рядом".

"Мама..." - повторила я дрожащим голосом, когда я покачала головой на ее слова. "Не говори так!"

"Ты ведь помнишь, как писать свое имя?" - успокаивающе прошептала она, отстраняясь и убирая с моего лица прядь волос.

Нахмутив брови, я кивнула.

"Хорошо. Живи по нему, пока помнишь, ты никогда не будешь одинока", - сказала Сомоку, зачесывая мои волосы назад и целуя в лоб. "Что бы ни случилось, я люблю тебя, моя маленькая Каса".

"Я... тоже люблю тебя, мама", - пробормотала я.

"Сомоку! Они здесь!" - крикнул Тесури, мчась обратно к нам.

"Держись, Каса", - сказала Сомоку, прежде чем ее руки стали горячими на моих руках.

"Мама, ты цееего..." - Я не успела договорить, как крик вырвался из моего горла от жгучей боли на руках.

"Запечатывание транскрипта: Перенос памяти!" - крикнула она, навсегда выжигая черную печать на моих руках. "Тесури! Возьми ее сейчас же!"

Я даже не смог заплакать, когда она толкнула меня в его объятия.

"Сомоку..."

"Я люблю тебя", - она прижалась поцелуем к его губам, прежде чем положить руку на каждого из нас. "Узумаки Ниндзюцу: Джикукан Кеккай!".

Мир потемнел, когда последний образ моей матери повернулся лицом к надвигающемуся Амемину.

<http://tl.rulate.ru/book/71373/1919620>